

В. А. КУЧКИН

О термине «дети боярские» в Задонщине

Время создания Задонщины — самого поэтического памятника Куликовского цикла — до сих пор вызывает ученые споры. В последнем по времени обобщающем труде по истории древнерусской книжности и литературы написание Задонщины отнесено к 80-м гг. XIV в. Датировка аргументирована следующим образом: «Эмоциональность восприятия событий — вот основной довод в пользу того, что в Задонщине нашло отражение непосредственное восприятие Куликовской битвы современником, а возможно, и участником ее».¹ И хотя подобный довод имеет известный смысл, все же думается, что степень эмоциональности в описании исторических событий — не очень надежный научный критерий, могущий свидетельствовать о времени возникновения того или иного литературного произведения. Гораздо более весомыми представляются прямые или косвенные датирующие указания, сохранившиеся в самом тексте памятника.

В 1985 г. в статье «К датировке Задонщины» автор этих строк остановился на упоминаниях в различных списках Задонщины городов Торнова (Тырнова) и Орнача (Ургенча), до которых дошла, согласно памятнику, слава о победе московского великого князя Дмитрия над ордынским правителем Мамаем на Куликовом поле, выяснил, что списки в обоих случаях сохранили протографичные чтения и что упоминание Орнача ведет ко времени или до весны 1380 г., когда он оставался центром самостоятельного государства Суфидов, или до февраля 1388 г., когда он был захвачен и до основания разрушен Тимуром. В итоге время написания Задонщины определялось первыми месяцами или первыми годом-двумя после Куликовской битвы.² Однако в 1994 г. Я. С. Лурье высказал довольно категоричное суждение, что попытки датировать Задонщину «концом XIV в. не представляются достаточно убедительными».³ Исследователь полагает, что упоминание в памятнике городов Торнова и Орнача отразило не живую реальность, а ученые разыскания автора Задонщины, знавшего и об уничтожении Ургенча Тимуром в 1388 г., и о завоевании в 1393 г. турками Второго Болгарского царства с его столицей Тырновом, но тем не менее ясно представлявшего, что в год Куликовской битвы эти города были важными политическими центрами, жители которых непременно должны были узнать о победе на берегах Дона и Непрядвы московского князя. Подобная трактовка упоминания в Задонщине Торнова и Орнача требует определенных разъяснений. Из каких источников автор произведения смог почерпнуть точное знание о

¹ Дмитриев Л. А. Задонщина // Словарь книжников. Вып. 2, ч. 1 С. 347

² Кучкин В. А. К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия Л., 1985 С. 118

³ Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994 С. 27

том, что в 1380 г. оба названных города были столицами самостоятельных государств? Зачем было в позднем памятнике упоминать именно эти города, если современники автора Задонщины, читатели или слушатели его сочинения, о былом значении Торнова и Орнача ничего не знали или знали мало и такое знание не было для них актуальным? Ответить на возникающие вопросы крайне сложно, и в исследовании «Две истории Руси XV в.» ответов на них нет. К тому же Я. С. Лурье не принял во внимание еще один аргумент в пользу раннего происхождения Задонщины, приведенный в статье 1985 г. Там указывалось, что ранней датировке памятника не противоречит «родословная Ольгердовичей».⁴ Сказано было глухо, но все-таки сказано. Имевшееся же в первоначальном варианте статьи развернутое обоснование такого непротиворечия было снято цензурой, поскольку в те годы ввиду событий в Польше было запрещено ссылаться на работы польских исследователей, даже опубликованные ранее в Советском Союзе. Неважным было и то, имели ли такие ссылки критический или позитивный характер. Поэтому в 1985 г. в публикации пришлось ограничиться лишь намеком, ныне же опущенный тогда текст следует привести полностью, чтобы можно было располагать всеми данными, проливающими свет на время создания Задонщины.

Дополнительные свидетельства об этом времени могут быть извлечены из статьи польского историка Е. Охманьского, посвященной родословию упоминаемых в Задонщине двух литовских князей: Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского, незадолго до Куликовской битвы перешедших на сторону Дмитрия Московского. В Задонщине приводится такая генеалогия этих князей: «...сынове Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы».⁵ В этом генеалогическом ряду имена отца Андрея и Дмитрия Ольгерда и имя их деда Домент-Гедимины названы совершенно правильно. Что касается Сколоменды, то, как показал Е. Охманьский, он не мог быть прадедом Андрея и Дмитрия (таковым был Пукувер-Путавир), но он был их предком, дедом Гедимины. Заклучив, что родословие литовских князей в Задонщине исторически точно, Е. Охманьский поставил вопрос, каким образом оно могло попасть в этот памятник древнерусской литературы. Отвечая на него, польский исследователь пришел к весьма правдоподобному предположению, что источником рассказов о предках Ольгердовичей были они сами или их окружение. При этом более вероятно, что сведения исходили от князя Андрея Ольгердовича или лиц, ему близких. Андрей был старше своего брата Дмитрия, он был первенцем Ольгерда, родился, когда еще был жив его дед Гедимин, а к моменту смерти последнего достиг совершеннолетия. Он-то и мог услышать от деда рассказы о Сколоменде — своем прапрадеде.⁶

Хотя работа Е. Охманьского не лишена недостатков,⁷ основная ее мысль представляется верной. Если польский исследователь прав, определяя источник родословных сведений о литовских князьях в Задонщине, тогда время оставления этими князьями Руси и возвращения в Литву в опреде-

⁴ Кучкин В. А. К датировке Задонщины. С. 118.

⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М., Л., 1966, Приложение С. 536 (список Ундольского).

⁶ Охманьский Е. Гедиминовичи — «правнуки Сколомендовы» // Польша и Русь. М., 1974. С. 359—362.

⁷ Полный текст о предках Ольгердовичей сохранился только в Кирилло-Белозерском и Ундольского списках Задонщины. Но Е. Охманьский цитировал не реально дошедшие тексты, а реконструированный текст Исторического первого списка (ср. Охманьский Е. Гедиминовичи. С. 359, Воинские повести древней Руси. М., Л., 1949. С. 35). Отсюда его ошибочные утверждения об упоминании Сколоменды в списке XV в. (с. 360 и 364, примеч. 14), удивление по поводу того, откуда взялось имя Сколдимера (с. 364, примеч. 11), и т. п.

ленной степени может подсказать и время написания Задонщины. Относительно Андрея Ольгердовича известно, что уже к октябрю 1385 г. он вернулся на родину и получил назад свое Полоцкое княжество.⁸ Дмитрий оставался в Москве дольше. Сохранился его договор от 16 декабря 1388 г. со своим братом, королем польским и великим князем литовским Ягелло, относительно перехода в вассальную зависимость от короля. Договор этот заключался в Молодечно боярами Дмитрия Ольгердовича. Сам же Дмитрий, по-видимому, находился тогда еще в Москве, связанный «целованием» с Дмитрием Донским.⁹ Но после смерти последнего (19 мая 1389 г.), вероятно, и этот Ольгердович вернулся в Литву.¹⁰ Таким образом, если сведения о предках Андрея и Дмитрия Ольгердовичей были занесены на страницы Задонщины со слов этих князей или и.л. ближайшего окружения, можно думать, что Задонщина была написана примерно в конце 80-х гг. XIV в. А если свою родословную помнил только князь Андрей, то автор Задонщины мог получить эти сведения до 1385 г. и около того же времени внести их в свое произведение.¹¹ Таким образом, общее заключение о написании Задонщины вскоре после Куликовской битвы остается в силе.

Однако, признавая раннее происхождение памятника, нельзя не поставить вопроса о том, есть ли поздние наслоения в дошедших до нашего времени его текстах. В этой связи обращает на себя внимание встречающийся в различных списках Пространной редакции Задонщины термин «дети боярские». В первой публикации Задонщины, осуществленной в 1852 г. по списку В. М. Ундольского, данный термин фигурировал в обращении Дмитрия Ивановича к своему войску: «Братия бояра и воеводы и дѣти боярские...».¹² С обнаружением Синодального списка, списков Исторического первого и Исторического второго выяснилось, что указанный термин содержится и в их текстах, в том же самом обращении великого князя Дмитрия к воинам.¹³ Наличие во всех списках Пространной редакции Задонщины данного термина (за исключением списка Ж, где сохранилось только начало памятника) свидетельствует о том, что выражение «дети боярские» было уже в общем протографе этих списков. Когда же появилось данное выражение и когда оно превратилось в социальный термин, использованный в Пространной редакции Задонщины?

Ответ на этот вопрос пытался дать один из первых исследователей памятника И. Назаров. «Здесь, как видно из хода речи, — писал он, — детьми боярскими обозначен высший класс служилых людей, которые до 1433 года назывались просто боярами, а с 1566 года — дворянами. <...> Поэтому удовольствием теми данными, которые не подлежат сомнению: Слово о Дмитрии (так в 50-е гг. XIX в. назвали Задонщину, поскольку опубликованный тогда список Ундольского имел заголовок, начинавшийся словами «Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче». — В К.) написано <...> вероятно в период от половины XV до половины XVI столетия».¹⁴ Если хронологические рамки появления Задонщины, указанные И. Назаровым, оказались слишком широкими, то сама его попытка датировать памятник по упоминанию в нем «детей боярских» заслуживала всяческого внимания. К сожалению, она оказалась плохо реализованной из-за неразработанности в тогдашней науке вопроса о времени появления и распространения термина «дети боярские». В 40—50-е гг.

⁸ Хорошкевич А. Л. Полоцкие грамоты XIII—начала XVI вв. М., 1977. Вып. 1. № 8. С. 45, 47.

⁹ Грамоты XIV в. Киев 1974. № 47. С. 98.

¹⁰ Polski słownik biograficzny. Kraków 1946. T. 6/1, z. 26. S. 58.

¹¹ Здесь кончается текст снятый в издании 1985 г.

¹² «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Приложение. С. 539.

¹³ Там же. С. 544, 546, 555.

¹⁴ Назаров И. Сказания о Мамаевом побоище // ЖМНП. 1858. № 8. Отд. II. С. 84—85.

XIX в. существовали только работы И. Д. Беляева о составе служилых людей Московского государства. В этих работах И. Д. Беляев приходил к выводам о том, что «дети боярские» впервые появляются в источниках в 1433 г., что до 1566 г. этот термин обозначал лиц высшего служебного сословия, а после указанного года — «низший класс служилых людей». Высший же класс с 1566 г. стал называться дворянами.¹⁵ Выводами И. Д. Беляева и воспользовался И. Назаров. Между тем в этих выводах многое было неверным. Так, термин «дети боярские» обозначал не высший, а низший разряд служилых людей. 1566 год никакого перелома в положение этой категории лиц не внес. 1433 год действительно является первым годом упоминания «детей боярских», но только в актовых источниках. Возможно, под влиянием нечетких исторических представлений о формировании такого слоя населения средневековой Руси, как «дети боярские», филологи, изучавшие Задонщину после И. Назарова, оставили попытки датировать памятник по этому термину и вообще перестали объяснять его присутствие в произведении, посвященном Куликовской битве. Историки же, особенно в советское время, продолжили работы по изучению социальной структуры русского общества XIV—XVI вв. Так, Л. В. Черепнин, характеризуя перестройку феодальной собственности на землю в XV в. и связывая с ней появление новых групп в господствующем классе, писал, что уже со второй четверти XV в. «распространяются термины „бояре“ и „дети боярские“».¹⁶ Последние в таких официальных документах, как княжеские договорные грамоты, впервые упоминаются в 1433 г. (здесь Л. В. Черепнин подтвердил давнее наблюдение И. Д. Беляева, но без ссылки на него), однако в 30-е гг. XV в. данный термин еще был неустойчив.¹⁷ Тем не менее он употреблялся не только в официальной документации, но и в летописании — рассказе о событиях 1433 г. Ермолинской летописи.¹⁸

Л. В. Черепнина поддержал Б. Н. Флоря. Он приходил к заключению, что «весь обширный слой вотчинников, не входивших в состав думы, начиная со второй четверти XV в. получает наименование „детей боярских“. Во второй половине XV в. эти термины («бояре» как члены боярской думы и «дети боярские». — *В К.*), по-видимому, утверждаются окончательно в своем новом значении...».¹⁹ При этом исследователь указал на одну жалованную грамоту 30-х гг. XV в., где, как и в договорной грамоте 1433 г. и летописной статье того же года, фигурировали «дети боярские», и на две правые грамоты 60-х и 90-х гг. XV в. на земли в Суздальском уезде, где два лица в более ранней грамоте назывались «боярами», а в более поздней они же — «детьми боярскими»²⁰ Хотя сделанные Л. В. Черепниным и Б. Н. Флорей наблюдения относительно употребления в различных и разновременных источниках термина «дети боярские» весьма ценны, они являются приблизительными, поскольку не основываются на исчерпывающем анализе всего материала. Между тем учет всех упоминаний «детей боярских» как в нарративных, так и в документальных источниках до начала XVI в. включительно позволяет существенно скорректировать имеющиеся представления и о формирова-

¹⁵ Беляев И. Д. 1) Жигели Московского государства. Статья вторая // ВООИДР М., 1849 Т. 3 С. 21—22, 2) Служилые люди в Московском государстве. Слуги, или дворяне, а впоследствии дети боярские // Московский сборник М., 1852 Т. 1 С. 371, 373, 376

¹⁶ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960 С. 208

¹⁷ Там же С. 207—208

¹⁸ Там же С. 208

¹⁹ Флоря Б. Н. Кормленные грамоты XV—XVI вв. как исторический источник // АЕ за 1970 г. М., 1971 С. 115

²⁰ Там же С. 115 и примеч. 32 и 33

нии определенного сословия в русском средневековом обществе, и о распространении термина, его обозначающего.²¹

Впервые выражение «дети боярские» встречается в Новгородской I летописи старшего извода в статье 1259 г.²² Однако здесь эти слова характеризовали не социальный слой, а непосредственно детей новгородских бояр. Но то же выражение в статье 1386 г. Новгородской I летописи младшего извода скорее употреблено в значении социального термина, чем в значении «сыновей бояр».²³ Во всяком случае, отправившиеся во главе с новгородскими посадниками Федором Тимофеевичем и Тимофеем Юрьевичем в Заволочскую землю для взимания штрафа в 5000 р. «боярский дѣти» едва ли могли быть именно детьми бояр. В рассказе о военных действиях новгородцев в Двинской земле в 1398 г. вновь фигурируют «дети боярские», причем летописный контекст: «и бояри и дѣти боярские и житийи люди и купечкии дѣти» — уже не оставляет сомнений в том, что данное словосочетание обозначало определенный социальный слой.²⁴ Последний раз интересующий нас термин встречается в статье 1445 г. Новгородской I летописи младшего извода.²⁵ К сожалению, приведенный материал не позволяет сделать однозначный вывод, что термин «дети боярские» впервые появляется в источниках в конце 80-х или в конце 90-х гг. XIV в. Во внимание должно быть принято время написания самих списков Новгородской I летописи младшего извода. Поскольку старшие списки этой летописи датируются серединой XV столетия,²⁶ возникновение термина «дети боярские» может быть отнесено ко времени между 1386 г. и серединой XV в.

С этой точки зрения весьма показательным представляется разбор свидетельства Ермолинской летописи о «детях боярских» в статье 1433 г., которое приводил Л. В. Черепнин. Ученый полагал, что запись этой летописи синхронна самому событию, и заключал, что анализирувавшийся им термин применялся в 1433 г. не только в официальных документах, но и в летописании. Между тем наличие одинакового с Ермолинской летописью рассказа о событиях 1433 г. в Сокаренных сводах 1493 и 1495 гг.²⁷ позволяют возводить выражение «дети боярские» лишь к общему источнику этих сводов — своду начала 70-х гг. XV в.²⁸ Показательно, что в Московском своде 1479 г. (или конца XV в.) при описании тех же событий 1433 г. термин «дети боярские» отсутствует, там фигурируют просто «люди».²⁹

Более четкую картину появления и развития этого термина дают свидетельства документальных материалов. И. Д. Беляев был прав, когда указывал на то, что термин «дети боярские» впервые появляется в грамоте 1433 г. Действительно, в договоре, заключенном, как выяснил Л. В. Черепнин, в январе—феврале 1433 г. между великим князем Василием Васильевичем и серпуховско-боровским князем Василием Ярославичем, устанавливалось, что «бояря и дѣти боярские» великого князя и его братьев, жившие в владениях Василия Ярославича, должны были ходить на войну под предводительством

²¹ Началом XVI в приходится ограничиваться потому, что до правления Василия III (до 1505 г.) изданы все сохранившиеся русские средневековые документы. Это позволяет вести исследование не на выборочном, а на полном материале дошедших до нашего времени источников. К тому же широкая распространенность термина «дети боярские» в XVI в. не требует особых доказательств.

²² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова М., Л. 1950 С. 82

²³ Там же С. 380

²⁴ Там же С. 391

²⁵ Там же С. 425

²⁶ Там же С. 7-9

²⁷ ПСРЛ СПб., 1910 Т. 23 С. 147, ср. ПСРЛ М., Л. 1962 Т. 27 С. 270, 344

²⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л. 1976 С. 188

²⁹ ПСРЛ М. Л. 1949 Т. 25 С. 251

великого князя, его воевод и воевод его братьев, а бояре и дети боярские, служившие Василию Ярославичу, но жившие на территориях, принадлежавших великому князю или его братьям, должны были отправляться в походы под командованием Василия Ярославича и его воевод.³⁰ Это положение конкретизировало норму, которая впервые была зафиксирована в докончании великого князя Василия Васильевича со своим дядей звенигородским и галицким князем Юрием Дмитриевичем от 11 марта 1428 г.: «А хто которому князю служит, гдѣ бы ни жил, тому с тѣм княземъ ходити».³¹ В конце XIV в. нормы были иными. Бояре, служившие определенному князю, но жившие во владениях других князей, должны были ходить на войну под командованием воеводы того князя, на земле которого они жили.³² Позднее такие бояре собирались под стяги воевод тех князей, которым они служили, но такие воеводы обязаны были подчиняться воеводам князей, что владели землей, на которой проживали бояре другого князя.³³ Договор января—февраля 1433 г. впервые в дипломатической практике московских Калитовичей содержал достаточно развернутую социальную характеристику составлявших княжеское войско лиц и порядок их военной службы в зависимости от места нахождения их владений. Более тщательная регламентация военных обязанностей служилого класса и вызвала в таком документе упоминание «детей боярских».

После этого «дети боярские» начинают фигурировать в договорных грамотах московских князей постоянно. Так, в договор между великим князем Юрием Дмитриевичем и его племянниками Иваном Андреевичем Можайским и Михаилом Андреевичем верейским и белозерским, заключенный после 31 марта 1434 г., была внесена статья, согласно которой князь Михаил Андреевич должен был вернуть великому князю пленных, которые были захвачены им, его боярами и «детьми боярскими» во владения Юрия Дмитриевича в начале марта 1434 г., а великий князь со своей стороны обязывался вернуть захваченных в плен людей князя Михаила, будь они «у мене, и у моих дѣтей, и у наших бояр, и дѣтей боярских».³⁴ Отсюда становится ясным, что определенная прослойка служилых землевладельцев как во владениях Юрия Дмитриевича, так и во владениях Михаила Андреевича называлась «детьми боярскими».

В соглашении, составленном после 5 июня 1434 г., великий князь Василий Васильевич договаривался с детьми Юрия Дмитриевича галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным о возврате имущества, захваченного ими при занятии Москвы в самом конце марта 1434 г. «у меня, и у моеи матери, и у моихъ князей, и у бояръ у моихъ, и у детей у боярскихъ». Кроме того, в этой договорной грамоте впервые несколько иначе было сформулировано известное положение о вольности боярской службы: «бояром и детем боярскимъ межи нас волнымъ воля».³⁵

Перемирная грамота между великим князем Василием Васильевичем и галицким князем Василием Юрьевичем, составленная, скорее всего, в конце марта 1436 г.,³⁶ упоминает «детей боярских» в статье о попечении над теми

³⁰ ДДГ № 27 С 70 О дате грамоты см Черепнин Л В Русские феодальные архивы XIV—XV веков М, Л, 1948 Ч 1 С 107

³¹ Там же № 24 С 65

³² Там же № 11 С 32

³³ Там же № 13 С 38

³⁴ Там же № 32 С 83

³⁵ Там же № 34 С 88, о времени составления грамоты см Черепнин Л В Русские феодальные архивы Ч 1 С 120

³⁶ ДДГ № 36 Поскольку в грамоте упоминаются «инятци устьжские» (с 102, определенная «устьжские» нет в противне этой грамоты — см с 104) очевидно, что она была отредактирована после 19 марта 1436 г, когда Василий галицкий взял Устюг, и до ареста в конце марта великим князем Василием Васильевичем Дмитрием Шемяки, который в разбираемом до кончания фигурирует как союзник великого князя О времени взятия Устюга (Гледена) см ПСРЛ Л 1982 Т 37 С 86

военно-служивыми людьми одного князя, которые живут во владениях другого князя, и о праве взимания с них дани князем-владельцем³⁷

В докончании от 13 июня 1436 г. великого князя Василия Васильевича с Дмитрием Шемякой снова упоминаются «дети боярские». Они названы в двух статьях соглашения: об обоюдном возвращении захваченного имущества (одно из условий упомянутого выше договора после 5 июня 1434 г.) и о вольности боярской службы.³⁸

В договорных грамотах великого князя Василия Васильевича 40—50-х гг. XV в. «дети боярские» фигурируют в тех же статьях, что и в докончаниях 30-х гг. Исчезает только статья о возврате чужого имущества, взятого в Москве в 1434 г. Но при этом в договорах Василия Васильевича с князем серпуховским и боровским Василием Ярославичем «дети боярские» упоминаются только в статье о порядке военной службы, как это было в договоре 1433 г.,³⁹ в договорах с Иваном или Михаилом Андреевичами те же «дети боярские» названы исключительно в статьях о попечении над ними во владениях других князей и о вольности их службы (соответствующие статьи договора 1436 г. с Василием Юрьевичем, но без регламентации сбора дани, и договора после 5 июня 1434 г.),⁴⁰ а в договоре с Дмитрием Шемякой — только в статье о вольности службы.⁴¹ Следует подчеркнуть то обстоятельство, что статьи о попечении и вольности службы есть и в договорах великого князя Василия с Василием Ярославичем, но там вместо «детей боярских» фигурируют «слуги»: «имет жити моих боярь и слуг», «бояром и слугам межи нас волным воля».⁴² В то же время статья о порядке военной службы есть в докончаниях великого князя Василия с Андреевичами и Шемякой, однако там она формулировалась без упоминания «детей боярских»: «гдѣ хто жьвет в нашихь отчинах, и хто кому служат, тот съ своим осподарем и ъдет»;⁴³ «А кто, брате, которому князю служат, и гдѣ бы ни жил, тому с тѣмъ ъхати, которому служит».⁴⁴ Эти наблюдения свидетельствуют о том, что термин «дети боярские» еще не получил в 30—50-е гг. XV в. широкого распространения, хотя начавшееся употребление его в таких достаточно специфических источниках, какими являются договорные грамоты московских князей, говорит о его прочном бытовании по меньшей мере в высших кругах московского общества той поры.

С этой точки зрения показательным является употребление данного термина в договорных грамотах московских князей с нижегородскими (суздальскими) князьями. В докончании 1445 г. Дмитрия Шемяки с князьями Василием и Федором Юрьевичами Шуйскими выражение «дети боярские» включено в статью о вольности службы.⁴⁵ Договор между великим князем Василием Васильевичем и князем Иваном Васильевичем Горбатым, заключенный между 15 декабря 1448 г. и 22 июля 1449 г., содержит этот термин в статьях о вольности службы и о попечении.⁴⁶ Очевидно, что и князья суздальского дома вполне признавали этот термин.

³⁷ ДДГ № 36 С 102, 104

³⁸ Там же № 35 С 91, 93, 94, 96, 97, 99

³⁹ Там же № 45 С 130, 133, 136, 139, № 56 С 170, 173, 174, № 58 С 180, 181, 184, 185

⁴⁰ Там же № 41 С 122, № 42 С 124, № 43 С 126, № 44 С 128, № 48 С 148, № 55 С 166, 168

⁴¹ Там же № 38 С 109, 111

⁴² Там же № 58 С 182, 185, 186

⁴³ Там же № 38 С 109, ср с 111

⁴⁴ Там же № 57 С 168, ср с 166

⁴⁵ Там же № 40 С 120

⁴⁶ Там же № 52 С 157, 159

О дальнейшем распространении термина свидетельствуют завещания матери великого князя Василия Васильевича Софьи Витовтовны и его самого. В первом из них, составленном в июне—июле 1451 г., содержится указание на «детей боярских», которые «служили мнѣ, великою княгинѣ». ⁴⁷ В духовной грамоте великого князя Василия Васильевича, написанной в дополнение к основной грамоте, по-видимому, в начале 1462 г., говорится о «детях боярских», которые служат его жене. ⁴⁸ Таким образом, данный термин в 50-х—начале 60-х гг. XV в. прилагается ко все большей массе вольных служилых людей, составлявших военное и административное окружение не только различных русских князей, но и княгинь.

Обращение к другим источникам показывает, что и в них термин «дети боярские» впервые появляется во времена великого княжения Василия Васильевича. Как установил Б. Н. Флоря, самым ранним документом, где он встречается, является указная грамота Василия Васильевича в Нерехту, адресованная «князем моим, и бояром, и дѣтем боярским, и всѣмъ моим дворяном». Грамота датируется временем около 1438 г. ⁴⁹ Две другие грамоты были выданы между 1448 и 1461 гг. Одна была дана великим князем Василием Васильевичем митрополиту Ионе на владения митрополичьей кафедры в Юрьеве-Польском, ⁵⁰ другая — князем верейским и белозерским Михаилом Андреевичем архимандриту Воскресенского монастыря в Череповеси Геннадиию на его людей. ⁵¹ Обе грамоты запрещали постой в соответствующих митрополичьих и монастырских владениях различных великокняжеских и княжеских людей, в том числе «детей боярских». Несколько позднее Михаил Андреевич выдал еще одну грамоту аналогичного содержания череповецкому монастырю. ⁵² Между 1448 и 1470 гг. тот же князь дал две жалованные грамоты Кирилло-Белозерскому монастырю, освобождавшие от постоя его владения в слободах Уломе и Романовой. ⁵³ Среди лиц, которым запрещался постой, названы и «дети боярские». К тем же годам относится указная грамота Михаила Андреевича на Белоозеро, адресованная в числе других «детем боярским». ⁵⁴ Великий князь Василий Васильевич около 1451—1462 гг. дал жалованную грамоту суздальскому Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Торки близ Суздаля, освобождавшую жителей села от постоя разных лиц, в том числе и «детей боярских». ⁵⁵ 27 ноября 1452 г. великий князь освободил от постоя тех же «детей боярских» владения шартомского Никольского монастыря в г. Плесе и плесской округе. ⁵⁶ 28 февраля 1453 г. он послал грамоту в г. Владимир с запрещением «бояром и детем боярским» ездить во владимирские митрополичьи села. ⁵⁷ Наконец, около 1455—1456 гг. по приказу великого князя Василия Васильевича было проведено разграничение земельных владений в лужских волостях, при котором в качестве свидетелей присутствовали шесть местных «детей боярских». ⁵⁸ Таким образом, актовый материал 30—60-х гг. XV в. фиксирует существование термина «дети боярские» в Нерехте, Юрьеве-Польском, Белоозере и его волости Череповеси, слободах Уломе и Романове, а также Суздале, Плесе,

⁴⁷ Там же № 57 С 177

⁴⁸ Там же № 61 С 199

⁴⁹ АСЭИ М, 1952 Т 1 № 136 С 105

⁵⁰ АФЗиХ М, 1951 Ч 1 № 145 С 130

⁵¹ Там же № 278 С 244

⁵² Там же № 279 С 244

⁵³ АСЭИ М, 1958 Т 2 № 110 С 68, № 121 С 74

⁵⁴ Там же № 138 С 81

⁵⁵ Там же № 454 С 494

⁵⁶ АСЭИ М, 1964 Т 3 № 96 С 133

⁵⁷ АФЗиХ Ч 1 № 187 С 169

⁵⁸ АСЭИ Т 1 № 257 С 187

Владимире и Луже. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что такой материал довольно редок (11 документов на отрезок времени более чем в три десятилетия) и представляет собой преимущественно упоминание «детей боярских» в той статье иммунитетных грамот, что запрещает постоя во владениях иммунистов различных категорий служивших князьям лиц. При этом имеются грамоты 20—40-х гг. XV в., где в статьях о запрещении постоя «дети боярские» вообще не упоминаются.⁵⁹

С 60-х гг. XV в. начинается существенное увеличение числа документов, в которых фигурируют «дети боярские». К 60-м гг. XV в. относится 10 актов,⁶⁰ 5 актов датируются 60—70-ми гг. XV в.,⁶¹ 2 акта написаны в широких хронологических рамках 60—80-х гг. XV в.,⁶² 1 акт — в 60-е гг. XV—начале XVI в.⁶³

К 70-м гг. XV в. относится 15 актов,⁶⁴ а к 70—80-м гг. того же столетия — еще 6 актов.⁶⁵

80-ми гг. XV в. датируется 14 актов,⁶⁶ 2 акта относятся к 80—90-м гг. XV в.⁶⁷ и еще 2 — к 80-м гг. XV—первому десятилетию XVI в.⁶⁸

К 90-м гг. XV в. относится 17 актов,⁶⁹ а к 90-м гг. XV—началу XVI в. — 2 акта.⁷⁰

Наконец, первым десятилетием XVI в. датируется 15 актов.⁷¹ Они относятся главным образом ко времени правления Ивана III.

Акты, относящиеся к 60-м гг. XV в., а также датируемые 60-ми и последующими годами XV в., вплоть до начала XVI в., упоминают «детей боярских» в волостях и станах Бежецкого Верха, Вереи, Владимира, Вологды, Галича, Дмитрова, Костромы, Москвы, Переяславля, Плеса, Ростова, Соли Великой, Суздаля, Ярославля. Акты 70-х гг. XV в. пополняют этот список волостями Белоозера, Волока Ламского, Мурома, Пошехонья, Рузы, Твери, что особенно показательно, поскольку Тверь в те годы была совершенно самостоятельным княжеством и наличие там «детей боярских» свидетельствует о распространении данного термина за пределы владений князей московского княжеского дома, Торжка и Углича. В документах 80-х гг. XV в. «дети боярские» упоминаются еще в волостях тверских городов Зубцова и Кашина. Акты 90-х гг. XV в. дополнительно называют такие центры, как Гороховец, Нижний Новгород, отошедший к Москве вяземский Хлепень и Юрьев. В начале XVI в. «дети боярские» фиксируются также в подмосковном Звенигороде, в еще сохранявшей свою независимость Рязани и граничившей с новгородскими землями Устюжне. Становится очевидным,

⁵⁹ Ср. Там же № 50, 55, 93

⁶⁰ АСЭИ Т 2 № 363, 364, 459, 461, Т 1 № 307, 320, АФЗиХ Ч. 1 № 123, АСЭИ Т 3 № 97, АФЗиХ Ч. 1 № 188, АСЭИ Т 1 № 393 (здесь и далее грамоты указываются в хронологической последовательности)

⁶¹ АСЭИ Т 3 № 196, Т 1 № 354, 356, 360, 363

⁶² АСЭИ Т 2 № 177, Т 1 № 378

⁶³ АФЗиХ Ч. 1 № 6

⁶⁴ АСЭИ Т 1 № 400, 401, 405, Т 2 № 194, 201, 206, Т 1 № 409, Т 3 № 155, Т 1 № 416, 418, АФЗиХ Ч. 1 № 251, 212, АФЗиХ М., 1956 Ч. 2 № 3, АСЭИ Т 2 № 254, АФЗиХ Ч. 2 № 14

⁶⁵ АФЗиХ Ч. 1 № 5, 80, 249, АСЭИ Т 2 № 242, 243, 250

⁶⁶ АСЭИ Т 1 № 493, 494, 497, 498, АФЗиХ Ч. 2 № 17, АСЭИ Т 2 № 479, Т 3 № 160, Т 1 № 516; Т 2 № 400, Т 3 № 226, 109, 22, 181, АФЗиХ Ч. 1 № 190

⁶⁷ АСЭИ Т 1 № 559, Т 3 № 183

⁶⁸ АСЭИ Т 2 № 406, Т 3 № 184

⁶⁹ АСЭИ Т 3 № 112, 249, Т 1 № 567, 568, АФЗиХ Ч. 2 № 18, АСЭИ Т 1 № 582, 607 Т 2 № 490, 491, 492, 493, АФЗиХ Ч. 1 № 466, АСЭИ Т 2 № 418, 419, Т 3 № 105, 305 АФЗиХ Ч. 1 № 157

⁷⁰ АФЗиХ Ч. 1 № 197, 155

⁷¹ АСЭИ Т 3 № 250, АФЗиХ Ч. 1 № 254, АСЭИ Т 2 № 426, Т 3 № 227, АФЗиХ Ч. 1 № 134, АСЭИ Т 1 № 652, Т 3 № 173, Т 1 № 659, Т 2 № 61, Т 1 № 660, Т 3 № 472, 346, 27, 338, 374

что данный термин в рассмотренный отрезок времени получил распространение не только в центральных районах Северо-Восточной Руси, но и на ее окраинах: Бежецком Верхе, Вологде, Галиче, Белоозере, Торжке, Нижнем Новгороде и Устюжне. Даже в Муроме и Рязани, не входивших в состав северо-восточных земель, было хорошо известно значение термина «дети боярские». Следует подчеркнуть, что уже акты конца 40-х—70-х гг. XV в. указывают на широкое территориальное бытование данного выражения.

Виды актов 60-х гг. XV—начала XVI в., в которых встречается термин «дети боярские», весьма многообразны. Это жалованные заповедные грамоты (всего таких грамот насчитывается 17); жалованные тарханские несудимые заповедные грамоты (16); правые грамоты (11); указные заповедные грамоты (8); кормленые грамоты так называемого «пространного» типа, сложившегося после 1485 г., во всяком случае, до принятия Иваном III добавления к своему титулу «великий князь» определения «всяя Руси» (7); разъездные грамоты (7); жалованные льготные тарханские несудимые и заповедные грамоты (3); жалованные тарханские несудимые оброчные и заповедные грамоты (2); указные заповедные дорожные грамоты (2); жалованные уставные грамоты (2); подписные докладные судные списки (2) и по одному экземпляру таких видов актов, как данная и отводная грамота, докладной судный список, грамота с прочетом, жалованная грамота на взимание платы на речном перевозе, жалованная грамота на обмен землями, жалованная грамота на покупку земли, жалованная грамота на переход в Юрьев день, жалованная несудимая заповедная грамота, запись на владение помещением от монастыря, меновная докладная грамота, мировая запись о размежевании земель, отводная грамота, разъезжая писцовая запись, разъезжая полюбовная запись, разъездной список, указная грамота о даче пристава, указная грамота об отводе земли. В целом, такое многообразие видов актового материала свидетельствует о широком внедрении термина «дети боярские» в русскую делопроизводственную практику 60-х гг. XV—первого десятилетия XVI в. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что данный термин содержится преимущественно в различного вида жалованных грамотах, непременно включавших заповедные статьи, в указных грамотах с такими же статьями, а также в правых и разъездных грамотах. Это заставляет проанализировать употребление данного термина более дифференцированно, не только по видам актов, но и по годам, чтобы выяснить, не ограничивалось ли его применение лишь в специфических клаузулах весьма узкого по составу круга источников.

Оказывается, в 60-е гг. XV в. термин «дети боярские» употреблялся почти исключительно в жалованных заповедных грамотах, других видах жалованных грамот, содержавших заповедные статьи, и очень редко — в указных грамотах, за единственным исключением — тоже заповедных. Заповедь заключалась в запрещении великим или удельным князем постоя, требования кормов, подвод и проводников на землях княжеских иммунитетов: «мои князи и бояре и дѣти боярские и всякие ѣздоки не ставятся никто, ни толмачи, не приставове, ни кормов, ни подвод, ни проводников не емлют».⁷² В 70-е и 80-е гг. XV в. картина начинает меняться. «Дети боярские» по-прежнему продолжают упоминаться в заповедях-запрещениях останавливаться или въезжать в села иммунитетов, но акты с подобными постановлениями уже не преобладают, они составляют примерно половину актов указанных годов, где фигурирует данный термин. В другой половине актов «дети боярские» выступают в качестве адресатов (в кормленых грамотах), свидетелей в поземельных спорах или просто упоминаются. В актах 90-х гг.

⁷² АСЭИ Т. 2. № 363 С. 357

XV в. «дети боярские» фигурируют в основном как свидетели в поземельных спорах (в 13 актах из 19), в двух кормленных грамотах как адресаты, в одной правой грамоте только упоминаются и лишь в трех жалованных грамотах они, как и раньше, названы в заповедных статьях актов. В первом десятилетии XVI в. продолжает преобладать употребление термина «дети боярские» в грамотах, отражавших поземельные споры (правые, разъезжие и подобные им), но такое преобладание перестает быть явным: 6 из 15 случаев. В 5 жалованных грамотах «дети боярские» упоминаются в их заповедных статьях. При этом следует отметить, что 4 из 5 таких грамот были выданы удельными князьями. В 3 других грамотах названного времени «дети боярские» просто упоминаются, а в одной кормленной грамоте они названы в качестве адресата. Можно было бы думать, что колебания в употреблении интересующего нас термина на протяжении рассмотренных пяти десятилетий объясняются весьма узким его распространением в 60-х гг. XV в. (только в княжеских грамотах, запрещавших постой во владениях иммунитетов или въезд туда) и постепенным его внедрением по меньшей мере в делопроизводственный язык различных регионов Северо-Восточной Руси в 70-е гг. XV—первое десятилетие XVI в. Однако такие колебания должны объясняться не степенью распространенности термина, а степенью распространенности определенных видов актового материала, что в свою очередь напрямую зависело от правительственной политики тех лет. Следует напомнить, что с 80-х гг. XV в. правительство Ивана III начинает проводить политику резкого ограничения феодального иммунитета, что влекло за собой как сокращение прав иммунитетов, так и прекращение выдачи им жалованных грамот.⁷³ Представляется, что именно этот процесс нашел отражение в изменении характера актовых источников, содержавших термин «дети боярския», а отнюдь не изменение характера самого термина.

В этом отношении кажутся небесполезными статистические подсчеты употребления данного термина в актовом материале 60-х гг. XV—начале XVI в. по десятилетиям. При этом к определенному десятилетию отнесены акты, начальная дата которых в данное десятилетие укладывается, а конечная нет. При некоторой условности подобного подсчета общая картина, думается, получится достаточно корректной и репрезентативной. Итак, к 60-м гг. XV в. могут быть отнесены 18 документов, в которых встречается термин «дети боярские»; к 70-м гг. — 21; к 80-м гг. — 18; к 90-м гг. XV в. — 19 и к первому десятилетию XVI в. — 15 (данные неполные). Такое равномерное распределение встречаемости исследуемого термина по десятилетиям, несмотря на подчас радикальное изменение видов источников, его содержавших, может свидетельствовать о том, что данный термин, появившись в московском делопроизводстве в начале 30-х гг. XV в., в 60-е, может быть, в 60—70-е гг. XV столетия уже прочно вошел в обиход. С этой точки зрения весьма показательны свидетельства двух указных грамот Ивана III. Одна из них адресовалась «моим княземъ, и воеводам, и бояром, и дѣтем боярским, и всѣмъ людемъ ратнымъ, хто ни поидут на мою службу к Великому Новгороду».⁷⁴ Грамота выдана при организации похода Ивана III на Новгород в 1471 г. или в 1477 г. Другая грамота была адресована «моим князем, и бояром, и дѣтем боярским, которые пошли на мою службу во Псков».⁷⁵ Эта грамота датируется примерно 1473 г. Таким образом, в официальных грамотах 70-х гг. XV в. при обозначении состава войска

⁷³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М. 1951. Ч. 2. С. 185, 194. Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 12.

⁷⁴ АСЭИ Т. I № 405. С. 296—297.

⁷⁵ Там же № 418. С. 308.

Ивана III применен термин, характеризующий целую социальную прослойку лиц, обязанных принимать участие в военных походах московского великого князя. Это не может расцениваться иначе, как свидетельство окончательного сложения в первые 10—15 лет правления Ивана III важной социальной базы русского самодержавия, опираясь на которую, первый великий князь всея Руси добился больших внешне- и внутривосточных успехов, а также прочного внедрения термина «дети боярские» в язык того времени.

Теперь, после предпринятого анализа выражения «дети боярские» в раннем летописном и актовом материале, можно вернуться к трактовке этого термина в Задонщине. Конечно, он мог попасть туда еще во времена своего первого появления, т. е. в 80—90-е гг. XIV в. (при допущении, что приведенные выше показания Новгородской I летописи младшего извода относятся именно к этим годам), распространения в 30-е гг. XV в., упрочения в последней трети XV в. и даже позже. Но логичнее это связывать с 60—70-ми гг. XV в., когда данный термин стал совершенно привычным для разных лиц в разных волостях и городах Северо-Восточной Руси. Если так, то речь должна вестись, конечно, не о создании Задонщины, а о переписывании ее списка, легшего в основу всех сохранившихся списков Пространной редакции памятника. Список при этом не только переписывался, но и редактировался, в него вносились новая лексика, новым, в частности, был и термин «дети боярские». Список — общий протограф Пространной редакции Задонщины, по-видимому, был современен Кирилло-Белозерскому списку памятника, скорее, несколько старше последнего. Его появление и редактирование, так же как переписывание и редактирование Кирилло-Белозерского списка, следует связывать не со столетним юбилеем Куликовской битвы, на чем иногда настаивают исследователи, а с активизацией политики Ивана III в отношении государств — преемников Золотой Орды: Казанского ханства и Большой Орды. Начавшаяся в 1468 г. война с Казанью,⁷⁶ нападение летом 1472 г. хана Большой Орды Ахмата на Алексин,⁷⁷ прекращение около того же года выплаты дани Большой Орде,⁷⁸ видимо, возбудили в русском обществе той поры интерес к прошлым взаимоотношениям Руси и Орды, результатом чего и стало переписывание по меньшей мере некоторых памятников Куликовского цикла.

⁷⁶ ПСРЛ Т 25 С 279

⁷⁷ Там же С 297—298

⁷⁸ Согласно Вологодско-Пермской летописи, в 1480 г Иван III не платил дань Большой Орде девятый год, т е с 1472 г (ПСРЛ М, Л, 1959 Т 26 С 265)